

разглядеть тех, которые «могут стать чрезвычайно ценными членами общества», и определить, кому надо «дать общее понятие о физике». Такой учитель не будет, как Зоя Владимировна, добиваться, чтобы материал понял и не очень способный ученик, чтобы заставить посерьезнее отнестись к делу нерадивого ученика, чтобы помочь пропустившему уроки по болезни. Признать правильной позицию Павла Павловича — значит прийти к выводу о том, что нет надобности отдавать «кусочек жизни» тем, кто не преуспеет в этой области знаний, нет необходимости тратить силы на каждого ученика, чтобы помочь ему подняться на ступеньку в овладении знаниями и в развитии. Подобные настроения, к сожалению, живут. Нередко учителям удобнее с таких позиций объяснить свое нежелание поработать побольше с теми, кому трудно дается предмет, а при выведении неудовлетворительной оценки сослаться на то, что ученик попросту «не усвоил материал», тем самым утверждая свое право на двойку и оставление ученика на второй год.

Много писалось и будет написано о школе. Школа — сложный социальный организм. Поэтому говорить о ней надо очень точно, зная ее сегодняшней день, ее проблемы и перспективы.

К. Мешалкина

Лихачев Б. Жизнь и схема / Б. Лихачев // Советская педагогика. — 1975. — № 2. — С. 149-152.

Жизнь и схема

Воспитание детей — одно из наиболее сложных явлений жизни. Оно касается всего общества, внимательно наблюдающего за тем, какими растут наши дети; оно касается и каждого отдельного человека, желающего добра и счастья своему ребенку. И хотя за воспитание отвечают все, больше всего и прежде всего за него отвечают педагоги — люди, которых специально научили и которым специально поручили заниматься этим делом. Педагоги по преимуществу народ творческий и ищущий. Сама жизнь заставляет: все большее внимания требуют к себе дети и все внимательнее и критичнее наблюдают за работой школы родители. Поэтому естественно, что всякий педагог с большим интересом относится к статьям, книгам, художественным произведениям, посвященным школе. Он ищет ответа на волнующие его вопросы, он жаждет обогатить себя новым знанием. Уверен, что с интересом прочтут педагоги и новую повесть В. Тендрякова «Ночь после выпуска».

Когда переворачиваешь последнюю страницу повести и начинаешь размышлять, сами собой напрашиваются мысли о том, что в небольшом по объему произведении автор задумал отразить прошедшее,

настоящее и будущее нашей школы, что он решил сделать это в острокритической форме и заставить общественность обратиться к наиболее важным вопросам воспитания. Но в какой мере это удалось автору повести?

Прежде всего, после прочтения повести и даже еще в процессе чтения формируется твердое убеждение, что автор идет не от жизни современной советской школы, а от своего, скажем сразу, одностороннего представления о ней, и это представление он настойчиво навязывает читателю. Именно навязывает. Он рассказывает устами своих героев-учителей о том, что школа была плохой, остается плохой, и неясно, что нужно делать, чтобы она была лучше. В школе плохо все: программы, методы обучения, сам принцип ее построения как единой для всех, плохи учителя. Эта идея «плохости» довлечет над всем, она — главное в пессимистическом споре в учительской. Образы всех учителей удивительно схематичны. Сразу ясно, кто представляет старую школу, кто сегодняшнюю, кто завтрашнюю. Тут все прямолинейно. Вот, например, «директор школы Иван Игнатьевич, величественный мужчина с борцовскими плечами». Под стать ему Ольга Олеговна, которой «давно за сорок», и хотя ее «легкая полнота не придает внушительности, энергия таилась лишь в больших, темных, неувядающе красивых глазах. Да еще голос ее, грудной, сильный, заставлял сразу настроиваться». Это — одна линия образов. Они понимают, что дело плохо, но на них возложена ответственность — и они держатся. Вторая линия — это те, кто представляет в школе зло, что является для школы опасным, от чего надо избавляться. Это Зоя Владимировна. Она творит в школе опасное дело, и все, что она делала и делает, — из рук вон плохо. Ее и жизнь обидела и дети не любили. «Зоя Владимировна поднялась со своего места, испушенно-плоская, негнущаяся, с откинутой назад головой, на посеревшем, сжатом в кулачок лице — мелкие, невнятно поблескивающие глаза». Наконец, третья линия образов — борцы за новую школу. Это люди крепкие, бывшие фронтовики, способные отстаивать свои идеи, преподавать не по программам, а по-своему, не ждать от облоно и министерств ничего, кроме нагоняев и требований. Один из них, Решников, «нескладно высокий, крепко костистый, с апостольским пушком над сияющим черепом, лицо темное, азиатски-скуластое, плоское, как глиняная чаша». Другой — Иннокентий Сергеевич, у которого «под глазом, выше рваной скулы, подергивается живчик».

Итак, характеры обозначены, роли распределены, все собрано в одно место, в учительскую, в критической ситуации. Созданы все условия для того, чтобы поспорить о школе. Что же является предметом спора? Во-первых, содержание образования и методы обучения. Дети плохи потому, что негодно содержание образования и примитивны методы. Все надо

менять. Отношение автора к содержанию и методам обучения показано прежде всего на примере преподавания литературы. Основное обвинение, высказанное в адрес «старой» школы, состоит в том, что детей заставляли заучивать то-то и то-то, не считаясь с тем, нравятся им это или не нравятся. Вопрос глубокий, и старый, и современный, вопрос вопросов педагогики. Совсем недавно, во время дискуссии о преподавании литературы, раздавались голоса: если ребята сегодня не хотят учить Пушкина, не надо. Дайте им что-то другое — современное и нравящееся. Приказами и требованиями ничего не сделаешь.

Это, конечно, верно, приказами не сделаешь. А чем сделаешь? Тем, чтобы учить только тому, что нравится? Продумайте эту позицию до конца, и вы увидите всю ее антипедагогичность. При современных средствах информации ребята узнают обо всем, что происходит в мире, помимо школы. Юноша наслушался «голосов» и не хочет сегодня учить Пушкина, а хочет подробно познакомиться с Солженицыным. Защитники позиции обучения на основе того, что нравится, могут воскликнуть: эка куда хватил! Ну а почему бы не представить себе и такую ситуацию? Вот тут-то и становится очевидным, что чисто либеральные заигрывания с ребятами в вопросе о том, чему их учить, быстро заводят в тупик. Педагогика как наука для того и существует, чтобы с учетом принципа партийности и классовости воспитания научно отобрать содержание материала, которое помогло бы сформировать коммунистическое мировоззрение у юношества, помогло ему вести активную борьбу против чуждых идей. Сущность социалистической демократии в школьном деле в том и состоит, чтобы расширять возможности коммунистического влияния на детей, а не в том, чтобы содержание образования ставить в зависимость от детских интересов. Вопрос состоит не только в том, чтобы спрашивать у детей, что им нравится и что нет, а в том, чтобы дети, увлекаясь, овладевали необходимым для культурного человека духовным богатством. И когда мы этим богатством ребенка вооружим, ему не будут страшны никакие враждебные идеологические диверсии, он всегда сможет разобраться в них и дать им правильную классовую оценку.

В учительской возникла чуть ли не трагическая ситуация по поводу того, что директор не смог назвать даты рождения Гоголя, обнаружив тем самым якобы бессмысленность усвоения подобного рода знаний и затраты усилий, времени на не нравящиеся предметы. Однако и в этом случае спор надуман и беспредметен. Далеко не все знания изучаются в школе для того, чтобы помнить их всю жизнь. Многие из них в школе — это как бы леса, по которым ребенок взбирается на вершину культуры и которые убираются, когда «здание личности» построено. Возьмите, например, правила правописания. Мы все учили их наизусть, независимо от то-

го, нравились они нам или нет. Справедливости ради следует сказать: чаще не нравились. Но мы их учили и — о ужас! — теперь забыли о них. Однако именно они, эти знания, помогли нам овладеть навыком грамотного письма. То же самое и в примере с Гоголем. Дата его рождения заучивалась вовсе не для того, чтобы помнить ее всю жизнь (хотя и это было бы неплохо), а чтобы с помощью этой даты связать самого Гоголя в своем сознании с эпохой того времени, глубже понять его творчество в связи с историей. И хотя дата потом может исчезнуть из памяти (как это и случилось с Иваном Игнатьевичем), она сыграла свою роль в его развитии, помогла ему стать тем, кем он стал. Все дело в том, что сегодня иные педагоги, психологи, писатели, журналисты неправомерно пытаются противопоставить знания развитию, а свободное, заинтересованное познание — лознанию, требующему сознательного усилия, применения больших сил и времени. В действительной жизни такого противопоставления нет: развитие личности осуществляется в процессе деятельности и реального усвоения знаний, а заинтересованное познание рождается на основе затраты познавательных сил и времени. Учение, построенное лишь на основе того, что нравится детям, антипедагогично и, если хотите, преступно по отношению к детям. Оно, может, было бы хорошо в том случае, если бы в проявленном интересе «отражался» весь ребенок, все его способности и возможности, если бы в утверждении Решникова «я пристрастен к тем ученикам, в которых природа вложила способность увлекаться физикой», содержалась хоть капля истины.

Сегодня хорошо известно, что человек проявляется в деятельности и что природа ни в кого не вкладывает определенной способности увлекаться физикой, или математикой, или литературой. Для того чтобы каждый человек (я подчеркиваю: каждый!) получил возможность развить заложенные в нем природные силы, проявить себя в той или иной области, он должен быть до определенного возраста вовлечен в обязательный круг деятельности и овладения знаниями. В этом суть социалистического гуманизма: каждый получает равные возможности в виде деятельности и знаний для проявления своей способности и определения своей судьбы. Педагогика опирается здесь не на зыбкие субъективные показания (это мне нравится, а это — нет), а на объективные данные проявления личности ребенка. Что касается идей ранней дифференциации детей в школе по способностям, за которую ратует Решников, то она не является чем-то новым и неизведанным. Именно по этому принципу, правда с учетом социально-классового положения родителей, разделяются дети в американской школе. Вряд ли есть смысл бороться за подобную дифференциацию школы против подлинно демократического единства советской системы образования.

Нет большой новизны и в той методике

обучения, за которую ратует Решников. Конечно, надо внедрять технические средства обучения, частично освобождающие учителя для более тонкой и сложной работы. Но разве кто-нибудь против этого спорит? И вообще, разве в настоящее время не происходят в нашей школе грандиозные изменения? Не завершается переход ко всеобщему среднему образованию, не пересмотрено содержание образования, не совершенствуется методика обучения и воспитания? Конечно, все это происходит не без борьбы нового и старого. Но совсем не так, как показывает В. Тендряков. В жизни бывает всякое. Есть и учителя разные. Типичным для жизни нашей школы является учитель ищущий, творчески, на основе передовой науки, вместе с органами народного образования, а не вопреки им решающий актуальные задачи воспитания и обучения. Не справившись с постановочной проблемой, автор повести извратил и характеры учителей. О каждом из них все ясно: этот очень хороший, этот ничего себе, а этот плохой. И уж когда говорит «хороший», даже если говорит неубедительно, учитель «ничего себе» моментально пасует, не смеет возразить, соглашается, а уж «плохой» не успевает отбиваться и, оплеванный, покидает место дискуссии. Все так, как хочет автор, а не так, как бывает в жизни.

Пока учителя спорили в учительской, их воспитанники провели время на берегу реки, у обелиска в память погибшим воинам. Обелиск введен в повесть, конечно, не случайно. Он появляется в начале встречи ребят, как бы подчеркивая святость того места, где развернутся события, и в конце, как бы подытоживая, то, за что боролись погибшие 30 лет назад советские люди, и вопрошая: а не напрасно ли они отдали свои жизни?

Ситуация, в которую втягиваются постепенно шестеро выпускников школы, поначалу выглядит довольно безобидной. Говорили то вздорные, то серьезные тосты и вдруг решили, немного от скуки, немного от любопытства, выложить друг другу все до конца — кто и что думает про другого. Когда читаешь эти страницы повести, то думаешь: может, потому так скудно набросал писатель ребячьи портреты вначале, что теперь они раскроются во всей полноте, сложности и противоречивости своих характеров? Может быть, именно поэтому столь бледны были их характеристики? В самом деле, Юлечка Студенцева: «взведенно-прямая, решительная, и в посадке головы сдержанная горделивость»; Генка Голиков: «открытое лицо, светлоглаз, светловолос, рост сто девяносто, плечист, мускулист»; Игорь Проухов вообще не удостоился портретной характеристики, так как в городе его больше знают по его штанам, а как художник «для одних ребят Игорь гений, для других ничтожество»; у Натки Быстровой «лицо с чеканными бровями, текучая шея, покатые плечи, походка с напором, грудью вперед — посторонись!»; Вера Жерих «рыхловато-широкая,

вальняная, лицо крупное, мягкое, румяное» и, наконец, Сократ Онучин: «суетливо-вертляв, лицо из острых углов, серое, гримасничающее, с веселыми, без ресниц, глазами».

Согласитесь, что по такому описанию трудно сказать что-либо определенное об этих ребятах как личностях, об их духовной человеческой сущности. Сначала, правда, автор намекает на то, что они несколько циничны, показывая беспцеремонность подвыпивших девочек, пьющих с учительницей на брудершafft, а также мальчишек, «стреляющих» у учителей сигареты. Но мысль о том, что автор показывает этих ребят как типичных представителей молодежи, заставляет отнести эту распущенность за счет исключительности ситуации (выпускной вечер) и ожидать более полного, всестороннего раскрытия их сложных характеров, их мировоззрения, их отношения к жизни, которое они уносят с собой из школы.

Но чем дальше вслед за автором слушаешь их разговор, чем больше узнаешь каждого из них по тому, что они говорят друг о друге и о себе, тем больше убеждаешься, что та внешняя схема-характеристика, которую автор дает им вначале, и есть их духовная сущность. В них, оказывается, больше и нет ничего, кроме «текучей шеи», «вальяжности», «принципиальной нечесанности», вобравшей в себя всю, без остатка, принципиальность, на которую оказался способным молодой человек. Оказывается, что промелькнувший вначале цинизм и мешанский эгоизм раскрываются постепенно, как мелкая злопамятность и подлость, ничего не прощающая, бесчеловечная, способная на предательство и, по существу, убийство. Видно, что автор и сам презирует этих людишек, неизвестно как сформировавшихся, как бы прошедших мимо всего того, что давала им школа, духовная жизнь нашего общества. Они, эти молодые, как старые озлобленные циники, годами державшие друг против друга зло и скрывавшие его в душе своей, теперь, как бы выковыривая пальцем из глубины тайников кусочки грязи, бросаются этой грязью друг в друга. И вот они стоят нравственно обнаженные, страшные в своей разобщенности, одинокости, звериной одичалости и духовной нищете, едва способные к элементарному в данном случае, возможно, уже запоздалому человеческому движению, направленному на спасение другого человека.

И снова на сцене появляется обелиск. «Убитые уже не могут ни любить, ни ненавидеть. Но живые хранят их имена. Для того, наверное, чтоб самим ненавидеть убийство и убийц. Бывшие школьники отводили глаза...» Вот вам и ответ на поставленный вначале вопрос: стоило ли за таких умирать? Нет! Не стоило!

Как же так? Как же так получилось, что в повести, претендующей на изображение типичных характеров молодежи, ребят, полных в эти годы исканий и романтических стремлений, изображены едва ли не

подонки, ставящие под сомнение духовные ценности нашего общества? Конечно, ребята бывают разные. И среди нашей молодежи есть немало иждивенцев, эгоистов. Но не они делают погоду в нашем обществе. Оглянитесь вокруг — и вы увидите, что молодежи наша умеет любить до самопожертвования, дружить, трудиться и помогать людям и в этом общем стремлении, в общей борьбе находить радость и счастье. Почему же В. Тендряков увидел совсем другое, только отвратительное, отождествляя это отвратительное с типичным для нашей действительности? Вероятно, на этот вопрос никто, кроме самого В. Тендрякова, не сможет дать точный ответ. Однако тот факт, что ребята изображены духовно обедненными, одинаково скверными и примитивными, наталкивает на мысль, что автор, как и в «учительской линии», в «линии школьников» так же исходит не из жизни, не из обобщения богатейшего опыта борьбы и труда нашей молодежи, а из заранее определенных схем, оправдывающих изображенную конфликтную ситуацию и авторский взгляд на сущность человеческой личности.

А сущность эта, как видно из повести, вовсе не определяется общественными влияниями, воспитанием. Ничто во время всей сложной коллизии не напоминает читателю о том, что эти выпускники прошли советскую школу, что они общались с советскими людьми и коллективами, что у них, хотя бы частично, должна проявляться коммунистическая мораль и коммуни-

стическое мировоззрение. Если исходить из повести, все это — не более чем слова. По крайней мере, никакого мировоззрения, которое бы хоть в какой-то мере детерминировало поведение личности, нет и в помине. Что это? Олять критика «плохости» современной советской школы или своеобразный взгляд на личность, ее мировоззрение и отношение между мировоззрением, моралью и поведением? Та школа, которую представил нам В. Тендряков, и те учителя, часть из которых опасна для школы, а другая часть не может эту опасность преодолеть, очевидно, и не заслуживает лучшего. С другой стороны, поскольку ребята действуют чисто ситуативно, реагируя, как лягушки или кролики, на непосредственно действующие раздражения, поддаваясь то чувству злобы, то страха, то агрессивности, то сексуальности, автор, вероятно, не видит связи между воспитываемым общественным мировоззрением и поведением человека. Представление о современной советской школе как о рутинном учреждении и представление о молодом советском человеке как личности, подверженной биологическим импульсам и ситуативным выборам поведения, к счастью, являются лишь схемой, привнесенной автором в повесть. Но жизнь школы столь богата и многообразна, что втиснуть ее ни в какие искусственные рамки просто нельзя. В этом основная причина неудачи В. Тендрякова.

Б. Лихачев

От редакции

Публикуя два отзыва — директора средней школы № 14 г. Северодвинска Архангельской области К. Мешалкиной и доктора педагогических наук Б. Лихачева — на повесть В. Тендрякова «Ночь после выпуска», редакция предполагает вернуться к обсуждению затронутых в этой повести вопросов.